

Секцыя 1

МАСТАЦКІ СВЕТ ТВОРАЎ ЯНКІ КУПАЛЫ І ЯКУБА КОЛАСА

Екатерина Хальпукова (Минск, Беларусь)

СПЕЦИФИКА МИФОПОЭТИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА В КНИГЕ ПОЭЗИИ Я.КУПАЛЫ «ШЛЯХАМ ЖЫЦЦЯ»

Представления белорусов о пространстве и времени, как утверждает на основе этнографических материалов В.А. Лобач, в начале XX века носили преимущественно мифопоэтический характер [5, 9]. Это нашло отражение в поэзии Я. Купалы: «Ён (Купала) пераўтварыў міфалагічнае, фальклорна-этнаграфічнае ў літаратурна-мастацкае» [2, 341].

Лирический сборник Я. Купалы «Шляхам жыцця» состоит из семи разделов, объединенных темой жизненного пути: «Бацькаўшчыне», «Па межах родных», «Для Яе», «Наша вёска», «Сваім і чужым», «Байкі і аповесці», «Пераклады з польскае мовы». Само понятие «путь» восходит к санскритскому *rānthāh*, которое «включает в себя труд, неуверенность и опасность» [1, 339], следовательно, это «дорога, куда-то, куда не ходят просто, средство преодолеть опасное, полное непредвиденных случайностей пространство» [1, 339]. В связи с этим, мифологема пути приобретает семантику духовной инициации в человеческой жизни. У Я. Купалы мотив странничества связан с онтологическими, гносеологическими и аксиологическими аспектами хронотопа, которые моделируют художественную реальность типичных ситуаций: «дорога предстаёт ... как текст, в рамках которого в определённом порядке разворачиваются вписанные тексты разных жанров» [9, 13].

В каждом из семи разделов по-разному проявляются мифологические мотивы: некоторые прочитываются в подтексте, некоторые выражены эксплицитно, но они всегда определяют творческий метод поэта. Купаловский мифологизм, представленный в традициях художественно-поэтического панпсихизма, обусловлен анимистическими связями всего сущего: «Неба, сонца, месяці, зоры, // Людзі, пушча, ўся зямля, // Ўсё да сэрца штось гавора, // Ўсюды бачу моц жыцця» [4, 5].

В первом разделе «Бацькаўшчыне» (дательный падеж имени существительного влечет за собой значение пожелания, дарения) через противопоставление земного, пусть даже самого лучшего – княжеских хоромов, и космического пространства как «закрытого», т.е. ограниченного, и «открытого», т.е. свободного хронотопа, Я. Купала воспевает (а значит, и призывает к этому) сферу духовной раскрепощенности: *«Песні маёй не патрэбны святліцы // Ё княжацкіх хорамах слухаць музык, // Коціцца-ўецца свабоднай крыніцай // К сонцу і зорам, прастор дзе вялік»* [4, 4] – так, романтический пафос мифопоэтического восприятия действительности устремлен к метафизическому бытию – безграничному в пространственно-временных координатах.

В исследовании Е. Городницкого есть очень ценное замечание: «Родны кут, загон, родная хатка – усе гэтыя і падобныя да іх псіхалагічна лакалізаваныя і душэўна асвоенныя хранатапічныя ўвасабленні ў паэтычным свеце Купалы паўстаюць знакамі-сімваламі гарманічна ўпарадкаванага, прадвызначанага» [3, 196]. Действительно, живой лес у поэта выступает как образ упорядоченного мира, огражденного от хаоса действительности, поэтому становится центром мифологического пространства и отмечается сакральным мотивом родного дома: *«Як я лесам іду, зважна думкі сную, // Аглядаю святую дубоў грамаду; // Там, як дома, сабе з пушчай песні няю»* [4, 22].

Своего апогея эта доминанта достигает в стихотворении «Мой дом»: *«Мой дом – прыволле звёздай далі ... // Мой дом – амішалай пушчы сховы ... // Мой дом – няшчаныя разлогі ... // Мой дом – узмежных зёлак восці ...»* [4, 21–22]. Подобное исходит и «З песень безземельнага»: *«Мой палац хто ведаць хоча – // Неба прастор гэты, // Што ў дзень сонцам, зормі ночай // Свеціцца адзеты»* [4, 140]. Образ родного дома является атрибутом реальной действительности, поэтому с «домом» мифологической модели мира он составляет оппозицию: *«Як я лесам іду, зважна думкі сную // ... // Як я ў хатку ўвайду, мяне штосьці гняце»* [4, 22].

Преодоление социальной угнетенности было художественно переосмыслено поэтом уже в предыдущих сборниках «Жалейка» и «Гусляр». Отдаление от социального направления творчества наиболее ярко проявилось в третьей книге лирики Я. Купалы, которая благодаря мифологическому мироощущению приобрела оптимистическое, обнадеживающее содержание. Как отмечает О.А. Лойко, «зборнік Янкі Купалы «Шляхам жыцця» быў кнігай, якая падагульняла ўсё зробленае паэтам у лірыцы да 1913 года» [6, 58].

Второй раздел сборника «Па межах родных» уже в самом названии включает сему конкретных границ, обозначенных локально (стихотворения «Вёска» [4, 63], «Над Нёманам» [4, 58–60], «Над Свіслачай» [4, 60–61], «Сельскія могілкі» [4, 64–65], «У вечным боры» [4, 72–73], «Палац» [4, 76]) и темпорально по временам года и основным праздникам (стихотворения «З песень аб вясне» [4, 78], «З летніх малюнкаў» [4, 79], «З асенніх напеваў» [4, 84–87], «Зіма» [4, 88–89], «Сёмуха» [4, 78–79], «На Купалле» [4, 82]).

Поэтический цикл «Для Яе» наполнен солярной символикой. Позволим лишь предположить, что купаловские женские образы не избежали влияния символистского образа Жены, облеченной в Солнце (заметим, что сборник «Шляхам жыцця» относится к петербургскому периоду жизни и творчества Я. Купалы): «Смела йдзе у сонцы, // Ёся сама – як сонца, // Гэта жнейка наша // Ё нашаей старонцы» [4, 96]. Купаловское «Сонцу роўная дзяўчына!» [4, 92] рождает ассоциации с символистским солнечным мифом.

В цикле «Наша вёска» хронотоп пути сводится к координатам небытия: «Сам – з бядой, ні жыцця, ні пуця! // Знай, гаруй ды магілку хвалі» [4, 142] – так возникает реалистическая модель мира, которая у Я. Купалы всегда изображается параллельно романтико-мифологической.

Для пятого раздела «Сваім і чужым» характерно иное восприятие – истинный путь к родному краю открывается после испытаний ложными путями чужих земель: «Прайшло засляпенне, мінае трывога; // На небе ўжо новая відна зара. // Шырок прада мною гасцінец-дарога. // Ўжо днее! ўжо днее! – к сваім мне пара!» [4, 144].

Организирующий центр раздела «Байкі і аповесці» составляют языческие празднества. Сакральность определенных периодов годового цикла, отраженных уже в названиях лирических произведений, позволяет выйти за пределы существующей реальности во вневременное мифологическое пространство: «У Купальскую ноч», «У Піліпаўку», «На Дзяды», «На Куццю». Особое внимание следует обратить на поэму «На Куццю». Т.И. Шамякина, анализируя хронотопическое единство этого текста, пишет о своеобразных качелях смысла, образованных сном живых и сном мертвых, которые появляются единожды в году [7, 133]. Таким образом происходит слияние прошлого, настоящего и будущего.

Знаковым произведением не только для сборника «Шляхам жыцця», но и для всего творчества Я. Купалы является романтическая поэма «Курган». У Я. Купалы курган является сакральным центром мифологического хронотопа: могила Гусяра – это молчаливый свидетель героического народного духа. Среди прочих работ

по купаловскому творчеству привлекает внимание исследование И.М. Шотт, в котором, вопреки стереотипным представлениям о белорусском национальном характере, утверждается: «Через всю поэму «Курган» Купала проводит мысль, что смирение не в натуре белорусского народа» [8, 100].

Заключительный цикл «Пераклады з польскае мовы» включает основные элементы хронотопа пути: «Родны дом» [4, 258–259] – «Тры дарогі» [4, 256–257] – «У свет» [4, 263]. Так, даже на уровне названий прослеживается четкая композиционная структура художественной модели мира купаловского сборника.

Таким образом, мифологическая основа пространственно-временного континуума у Я. Купалы детерминирована фольклорными воззрениями на природу мироустройства.

Літаратура:

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
2. Вайткевіч, В.С. Лірыка Янкі Купалы / В. Вайткевіч, У. Гніламедаў // Янка Купала: Энцыклапедычны даведнік / Рэдкал. І.П. Шамякін і інш. – Мінск: БелСЭ, 1986. – С. 340 – 345.
3. Гарадніцкі, Я.А. Мастацкі свет беларускай літаратуры XX стагоддзя / Я.А. Гарадніцкі. – Мінск: Беларуская навука, 2005. – 206 с.
4. Купала, Я. Шляхам жыцця / Я. Купала. – 2-е выд., папраўл. – Вільня: Віленскае выдавецтва Б.А. Клецкіна, 1923. – 270 с.
5. Лобач, У.А. Уяўленні аб прасторы і часе ў традыцыйным светапоглядзе беларусаў (па этнаграфічных і фальклорных матэрыялах XIX – пач. XX ст.): дысерт. ... канд. гіст. навук: 07.00.07 / У.А. Лобач. – Мінск, 2003. – 116 с.
6. Лойка, А.А. Беларуская паэзія пачатку XX стагоддзя. Некаторыя заканамернасці і асаблівасці / А.А. Лойка. – Мінск: Выдавецтва БДУ, 1972. – 240 с.
7. Шамякіна, Т.І. Беларуская класічная літаратурная традыцыя і міфалогія / Т.І. Шамякіна. – Мінск: БДУ, 2001. – 238 с.
8. Шотт, И.М. Фольклор в творчестве Янки Купалы / И.М. Шотт. – Минск: Наука, 1968. – 191 с.
9. Щепанская, Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. / Т.Б. Щепанская. – М.: «Индрик», 2003. – 528 с.